

Правда. - 1994. - 3 нояб.

Честно говоря, в этой публикации я не собирался обсуждать конфликт между московскими труппами Театра на Таганке и «Содружества актеров Таганки». Уже больно много об этом уже сказано и написано. Но за день до нашей встречи с художественным руководителем «Содружества» Николаем Губенко в «Московском комсомольце» появилась статья А. Минкина, в очередной раз обвиняющая труппу Губенко во всех смертных грехах — уничтожении Театра на Таганке, подлоге и т. д. Посвящена она была грядущему вступлению в законную силу решения Высшего арбитражного суда России, подтвердившего законность давнишнего решения Моссовета о передаче части театрального комплекса на Таганке «Содружеству». Над заголовком минкинской статьи стоял строгий гриф «Вниманию Президента России! Вниманию мэра Москвы!», что делало ее несколько похожей на обычный донос... Пришлось начать разговор с нее.

— Николай Николаевич, так вы, оказывается, узурпатор: отхватили 9 тысяч квадратных метров театрального комплекса из одиннадцати и выбрасываете бедных актеров труппы Любимова на улицу?

— Всего несколько дней назад, на митинге памяти Димы Холодова журналист Минкин сказал, что больше не делай людей на коммунистов и демократов, а различает теперь лишь честных и нечестных. И вот... Ату губенковцев! Ату людей, которые два года работают без госдотации, вертятся, стараются заработать хотя бы мизерную зарплату и как-то реализовать себя как творческий коллектив в условиях, когда правительство Москвы постоянно принимает решения о передаче всего здания театру Любимова, когда перекрывают свет и кислород...

— Но вы все же получаете по решению суда большую часть комплекса?

— Театр — не кусок хлеба, его нельзя разрезать строго пополам. На нашей сцене вмещается 850 зрителей, у Любимова на двух переданных ему сценах — порядка 700, так что разница невелика. Но стоит учесть и то, что мы в течение двух лет, в устной и

письменной форме, предлагали и дирекции театра, и правительству Москвы, и Министерству культуры, и самому Любимову выбрать себе сцену. Ведь у истоков конфликта, напомню, стояло не наше стремление разделить театр, а нежелание Любимова работать с частью труппы, единолично приватизируя при этом весь театр и решая все спорные вопросы лишь в цюрихском Международном суде.

И даже если бы я случайно оказался в Калининграде, когда там проходил съезд оппозиции, ничего зазорного в этом бы не видел. Тем более что Руцкой так же, как и Ельцин, в свое время был всенародно избранным вице-президентом. Приписывать же мне причастность к «черным оппозиционным силам» может только нечестный журналист. Ни о каких «соборах» здесь речи идти не может.

писали в прессе. Ее хвалили и ругали, но событием театрального сезона она, безусловно, стала. Как сами вы оцениваете дебютный спектакль вашего театра?

— Сейчас, когда появилась «Чайка» Марка Захарова, я вижу, что мы были на верном пути. Я не говорю, что мы достигли совершенства, во сам за себя говорит тот факт, что в течение 3 месяцев мы играли это по бродвейскому принци-

— Что в дальнейших планах «Содружества актеров Таганки»?

— Сейчас, как я уже сказал, мы репетируем спектакль «Белые столбы» по Салтыкову-Щедрину. В нем занята вся наша труппа, плюс мы приехали еще 6 молодых актеров из разных театров. Это будет ансамблевый пластический спектакль, по жанру — некая «бабетто-оперная драма». В нем будет использовано все лучшее, что было наработано Театром на Таганке, — истоки Брехта, Мейерхольда, Вахтангова, даже Любимова. При этом, конечно, мы будем сохранять свое стремление к тщательной отработке актерских характеристик, отчасти даже психологического рисунка, хотя в целом спектакль будет технически очень сложен. Музыка к постановке пишет композитор Юрий Буцко, но прозвучит и музыка Шостаковича, Шнитке, Шайдта, Мессиана, Шопена, фольклорные мелодии.

Уже месяц режиссер Юрий Ершов репетирует «Дядюшкин сон» Достоевского, главные роли будут исполнять Владимир Михайлович Зельдин и Инна Ульянова в молодежном окружении.

Сразу же после этих двух премьер к работе приступает режиссер Юрий Поглазов, который в прошлом году с большим успехом поставил дипломный спектакль Щукинского училища. Он будет ставить «Взбяти» Горького.

Затем С. А. Соловьев будет делать «Идиота» Достоевского. Если за этот сезон из четырех этих названий мы сделаем три, то сможем дать ответ, состоялись ли мы как театр.

— Когда начинаете сезон?

— В ноябре состоится первая премьера.

К финалу истории нелюбви двух режиссеров группа Губенко предложила соглашение между двумя театрами, выросшими из легендарной Таганки. Начинается оно так:

«1. Театр на Таганке и театр «Содружество актеров Таганки» признают юридические и имущественные права друг друга и обязуются не совершать действий, направленных на изменение этих прав.

1а. Оба театра одновременно отказываются от всех судебных исков».

Николай НИКОЛАЕВ.

Ату его! А ну его...

Театр начинается с суда и абсурда

— Ваши недоброжелатели говорят, что вы можете больше не ездить в Калининград на митинги оппозиции, а Бабурин со Стерлиговым могут устраивать свои соборы в вашем театре...

— Честно говоря, я всегда мечтал побывать в таком прекрасном городе, как Кенигсберг — Калининград. Еще будучи министром культуры, едва не поехал туда по наводке покойного Юлиана Семенова искать следы «Янтарной комнаты», но, к сожалению, не смог.

— Но вы действительно намереваетесь совмещать театр с политикой?

— Театр и политика неразделимы. Как показала вся эпоха гласности и перестройки, искусство и культура зависят от политики, как, впрочем, и наоборот, особенно если учитывать ту лепту, которую внесла творческая интеллигенция во все ныне происходящее. Но не стоит смешивать чисто художественное любопытство с политическими устремлениями. Упомянутые в статье Руцкой, Бабурин, Анпилов, Стерлигов для меня весьма интересны прежде всего как человеческие феномены.

Но, повторяюсь, театр — отчасти дело политическое, и в части репертуара мы отчасти выбираем и свою политическую позицию. Мы выбираем прежде всего классику, потому что актеры уже созрели для Достоевского, Чехова, Салтыкова-Щедрина, и это будет в реализации своих замыслов иметь какие-то аналогии с современностью. Ничего в этом зазорного нет, Театр на Таганке отчасти и на этом всегда строил свой успех.

Сейчас мы ставим Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Санкт-Петербурге» (сценическое название «Белые столбы»). Еще в 1987 году, впервые прочитав этот материал, я удивился его актуальности: действительно, история движется по спирали, и то, что произошло после реформы 1861 года, зеркально накладывается на «реформаторские» устремления наших властных структур, когда сначала все надо в очередной раз растоптать, заплывать прошлое и неизвестно на чем строить будущее. Это, конечно, классика. В этой части, наверное, это и будет политической окраской данного спектакля.

— О вашей «Чайке» много

пу — ежедневно без выходных и при аншлагах. Собрали на этом, кстати, некоторую сумму, позволяющую нам сейчас работать. Мне кажется, Сергею Александровичу Соловьеву удалось эксперимент — совмещение проникновения в человеческие отношения с яркостью и прекрасной, изысканной фактурностью дизайна и изобразительного ряда. Другое дело, что в отдельных местах это превалировало. Но вкусы у зрителей меняются. Сейчас нельзя играть Чехова, поставив на сцене только стол и стулья, зрители надо привлечь зрелищностью. Мне показалось, что в нашем спектакле было хорошее совмещение зрелищности и актерского проникновения в характеры. Я не обольщаюсь успехом, но «Чайка» будет идти в репертуаре и, совершенно очевидно, будет интересна зрителям даже в контексте «Чайки» Захарова и других спектаклей — это очевидно.